

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Суходольский Д.Н. — Внутренняя политика Михаила IV Пафлагона (1034 – 1041 гг.) в контексте внутривластной борьбы в Византии // Исторический журнал: научные исследования. – 2023. – № 4. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.4.43588 EDN: USECOE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43588

Внутренняя политика Михаила IV Пафлагона (1034 – 1041 гг.) в контексте внутривластной борьбы в Византии

Суходольский Дмитрий Николаевич

аспирант, кафедра Истории древнего мира и средних веков имени В.Ф. Семёнова, Московский Педагогический Государственный Университет

119991, Россия, г. Москва, ул. Малая Пироговская, 1 строение 1

✉ dsukhodolsky@gmail.com

[Статья из рубрики "Исторические факты, события, феномены"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2023.4.43588

EDN:

USECOE

Дата направления статьи в редакцию:

17-07-2023

Аннотация: В данной статье рассматривается внутренняя политика императора Михаила IV Пафлагона (1034 – 1041 гг.), направленная на сохранение власти Пафлагонской династии. Предметом статьи выступают мероприятия Пафлагонской династии в 1034 – 1041 гг., направленные на сохранение власти и интеграцию в состав византийской элиты. Объектом исследования выступают сведения византийских современников – Михаила Пселла, Иоанна Скилицы, Кекавмена и Михаила Аталиата. Методологической основой работы в первую очередь стали источниковедческий анализ и историко-системный подходы, которые позволили всесторонне рассмотреть внутреннюю политику Михаила IV Пафлагона (1034 – 1041 гг.) и его сторонников в контексте внутривластной борьбы в империи. Применение просопографического метода позволило выявить характерные черты и мотивацию группы сторонников Михаила IV – представителей Пафлагонского клана. Кроме того, важную роль в анализе источников сыграли качественный и количественный контент-анализы. Основным выводом проведенного исследования является предположение о том, что несмотря на многочисленные попытки, Пафлагонской династии так и не удалось создать прочный

фундамент для сохранения власти и интегрироваться в состав византийской элиты. Представители византийской элиты на протяжении правления Михаила IV Пафлагона (1034 – 1041 гг.) рассматривали правление Пафлагонцев как ситуативное и временное правление, которое было приемлемо только в краткосрочной перспективе.

Ключевые слова:

Византия, Пафлагонская династия, Пафлагонцы, Иоанн, Михаил IV, Пафлагон, власть, византийская элита, династия, правление

Важное место исторической науке всегда занимали вопросы, связанные с политическим развитием государств, а также их внутренняя эволюция и трансформация в различные кризисные периоды истории. Внутриполитическое развитие государств в периоды перемен и кризисов не только обостряет противоречия между различными политическими силами, претендующими на власть, но и обнажает различные политические, социальные, религиозные и иные особенности того или иного государства в рассматриваемый период.

Большой интерес в рамках данной темы представляет изучение истории Византийской империи – государства, просуществовавшего почти тысячу лет и пережившего, наверное, в своей истории наибольшее количество внутриполитических смут, которые, с одной стороны, приводили к ослаблению государства, а с другой – приводили к изменению системы управления, ее адаптации к новым непростым реалиям, что и позволило империи просуществовать столь долгий срок. Наиболее тяжелый период внутренних смут и последующий военный разгром империи приходится на XI век и неразрывно связан с упадком и пресечением могущественной Македонской династии, правившей империей со второй половины IX века. На фоне угасания Македонской династии внутри империи разгорелась внутриполитическая борьба между различными силами, которые традиционно сводят к двум группам – столичному гражданскому чиновничеству и земельной аристократии.

Целью данной статьи является анализ внутренней политики Михаила IV Пафлагона (1034 – 1041 гг.) и его семьи в контексте внутриполитической борьбы в Византии

Предметом статьи выступает внутренняя политика Пафлагонской династии в условиях внутриполитической борьбы на фоне угасания Македонской династии.

Объектом исследования выступают конкретные мероприятия Михаила IV Пафлагона (1034 – 1041 гг.) и членов его семьи, направленные на сохранение власти.

В современной отечественной историографии исследований, посвященных внутренней политике Михаила IV Пафлагона не так много. Во-первых, важно упомянуть статью Г.Г. Литаврина «Восстание в Константинополе в апреле 1042 года»^[1], написанную в 1973 году. Помимо детального анализа причин падения Пафлагонской династии, автор уделяет особое внимание ее социальному происхождению и взаимоотношению с различными политическими силами: столичной гражданской знатью, провинциальной военной аристократией и церковью. Во-вторых, исследование внутренней политики Пафлагонской династии невозможно без понимания такой важнейшей ее составляющей, как военная политика, чему посвящена статья современного византиниста А.С. Мохова «Военная политика императоров-Пафлагонцев (1034 – 1042 гг.)»^[2]. В статье автор

анализирует ряд мероприятий Пафлагонцев, направленных на осуществления контроля над армией, а также затрагивает вопросы происхождения династии и ее роли во внешнеполитических событиях 1030-ых гг.

Источниковую базу исследования в первую очередь составляют византийские источники второй половины XI – первой половины XII вв., среди которых нужно выделить следующие: «Хронография» Михаила Пселла [\[3\]](#), «Обозрение истории» Иоанна Скилицы [\[4\]](#), «История» Михаила Аталиата [\[5\]](#) и «Советы и рассказы византийского полководца» Катакалона Кекавмена [\[6\]](#). Среди представленных источников наибольшее значение имеет «Хронография» Михаила Пселла – непосредственного свидетеля и участника событий периода правления Пафлагонской династии. Дополнительную информацию о внутривизантийском развитии Византийской империи в X – XI вв. содержат источники более раннего происхождения – «История» [\[7\]](#) Льва Диакона и трактат «О церемониях» [\[8\]](#) императора Константина Багрянородного (945 – 959). Важно упомянуть и зарубежные источники, в первую очередь скандинавского происхождения. Среди них можно выделить сборники королевских саг «Гнилая кожа» [\[9\]](#), «Красивая кожа» [\[10\]](#) и «Круг земной» Снорри Стурлусона [\[11\]](#). Кроме того, ряд важных сведений о Пафлагонцах содержит «Летопись» [\[12\]](#) антиохийского хрониста Яхьи Антиохийского

Новизна исследования заключается как в комплексном анализе византийских и скандинавских источниках о деятельности Варяжской гвардии в 1034 -1042 гг., так и в рассмотрении Варяжской гвардии как инструмента удержания власти Пафлагонской династией.

Методологической основой исследования является сравнительный анализ скандинавских и византийских источников, что позволило сделать наиболее полные выводы о роли Варяжской гвардии во внутривизантийской борьбе в Византии в 1034 – 1042 гг.

Географические рамки исследования охватывают территорию Византийской империи в 1034 – 1041 гг., а также те территории, где византийцы вели военные кампании в рассматриваемый период.

Нижняя хронологическая граница исследования – 1034 год. Данная граница обусловлена приходом к власти Пафлагонской династии в лице Михаила IV Пафлагона и его родственников.

Верхняя хронологическая граница исследования – конец 1041 года. На это время приходится смерть Михаила IV Пафлагона и приход к власти его племянника Михаила V Калафата, чья политика в конечном итоге привела к падению династии.

В 1034 году в результате заговора, организованного паракимоном Иоанном Орфанатрофом, к власти пришли представители Пафлагонской династии, чье правление продлилось с 1034 по 1042 гг. На первый взгляд представители новой династии не имели высоких шансов на то, чтобы надолго закрепиться у власти: у них не было ни прочной опоры при дворе, ни родственных связей с представителями гражданской или военной элиты, ни лояльной армии. Однако несмотря на это Пафлагонцам удалось создать прочную систему, которая просуществовала на протяжении всего царствования Михаила IV Пафлагона (1034 – 1041 гг.) Для понимания того, как подобное положение стало возможным, нам необходимо рассмотреть ряд ключевые особенности и мероприятия Пафлагонской династии.

Новая династия вела свое происхождение из области на северо-западе Малой Азии под названием Пафлагония, а ее представители к началу 30-ых годов в большинстве своем перебрались в Константинополь, где занимались ростовщичеством. Известно, что до 1034 года родные братья Иоанна Орфанотрофа Константин и Георгий занимались ростовщичеством [13] и входили в верхушку богатой торгово-ремесленной корпорации трапезитов. [1] Торгово-ремесленные круги, несмотря на богатство, не входили в число элиты Византийской империи, были отстранены от управления империей и не могли влиять на проводимую ей политику в собственных интересах. Приход к власти выходцев из этой среды для традиционных элит империи стал во многом шоком и послужил причиной для критики и насмешек. Например, патриций Константин Далассин выразил открытое недовольство приходом к власти Пафлагонцев и открыто призывал к свержению императора Михаила IV Пафлагона: «Только патриций Константин Далассин, который проживал в своем поместье, не воспринял эту новость любезно. Он с трудом переносил то, что они говорили и вслух недоумевал, почему, когда вокруг есть так много превосходных людей из благородных семей и знатного происхождения, трехгрошовый торговец получает предпочтение перед всеми остальными и становится императором» [4]. О низком происхождении Пафлагонцев, но без серьезной критики, писал и Пселл в «Хронографии», отмечая, что евнух Иоанн Орфанатроф был «происхождения простого и низкого, но характера весьма деятельного» [3].

Однако несмотря на незнатное происхождение, представители Пафлагонской династии уже в правление императора Романа III Аргира (1028 – 1034 гг.) смогли попасть в высшие эшелоны власти. Этот взлет византийские хронисты связывают с именем Иоанна Орфанатрофа. Иоанн сделал карьеру в царствование императора Василия II (976 – 1025 гг.), который приблизил его к себе и во многом ему доверял. В это время он занимал должность протонотария – второго после патриарха человека в византийской церкви [3]. На период правления императора Романа III Аргира (1028 – 1034 гг.) приходится взлет карьеры Иоанна. Он последовательно занимает должности препозита, паракимомена и орфанатрофа. Первые две из них дают Иоанну реальное влияние на императора и возможность напрямую участвовать в управлении империей. Так должность препозита – управляющего царскими покоями – несмотря на свой невысокий статус, позволяла Иоанну контролировать всю внутреннюю жизнь во дворце. В обязанности препозита входило оглашение императорских распоряжений и обеспечение безопасности дворца [8]. Должность паракимомена же была высшей должностью в империи, которую могли занимать евнухи в Византийской империи. К XI веку должности препозита и паракимомена во многом обладали схожим функционалом, однако права паракимомена были шире: он должен был обеспечивать покой императора ночью, имел право носить оружие во дворце и фактически был человеком, держащим все нити управления империей в своих руках. Так подобную должность в царствование императора Романа II и в начале царствования Василия II занимал паракимомен Василий – всеильный временщик, сосредоточивший в своих руках всю власть в империи [7]. Третья должность – должность Орфанатрофа, т.е. смотрителя за сиротами – скорее была номинальной, чем предоставляла какие-то реальные рычаги воздействия на дела в империи. Таким образом, должности, занимаемые Иоанном Орфанатрофом давали ему реальную возможность влиять на внутривластическую обстановку в империи в царствование Романа III Аргира, а тот факт, что именно в его царствование Иоанн эти должности занял, говорит в пользу того, что император полностью доверял евнуху.

Иоанн Орфанатроф в полной мере воспользовался представившимися ему

возможностями и не только встал во главе гражданского управления, но и приблизил к власти собственных родственников. Так в начале 30-ых годов XI века он ввел во дворец своего младшего брата – Михаила Пафлагона – которого представил императору и императрице Зое. Вскоре Михаил стал любовником императрицы Зои, а Роман III Аргир (1028 – 1034 гг.), то ли не знал об этой связи, то ли умышленно делал вид, что не знает о ней [3]. В конечном итоге, политические амбиции Иоанна Орфанатрофа и его брата Михаила, любовь ко второму со стороны императрицы Зои, и безразличие к этому императора Романа III Аргира привели к свержению последнего. Иоанн Скилица в «Истории» предполагал, что в ходе заговора, составленного против Романа Аргира (1028 – 1034 гг.), было принято решение его отравить. Он прямо отмечает, что Иоанн Орфанатроф, императрица Зоя и Михаил подсыпали в еду и напитки Роману III Аргирю (1028 – 1034 гг.) яд, который, однако, действовал слишком медленно [4]. Тогда было принято решение перейти к более решительным мерам: Роман Аргир (1028 – 1034 гг.) был утоплен во время принятия ванн в собственном дворце, а уже на следующее утро Михаил Пафлагон был провозглашен императором и стал вторым мужем императрицы Зои [3].

Стремительный приход к власти Пафлагонцев не позволил потенциальным противникам среагировать на угрозу и как-то помешать коронации нового императора, однако это не означало, что все представители элиты спокойно и безропотно приняли появление новой силы на политическом поле империи. Для нейтрализации оппозиции Пафлагонцы предприняли ряд важных шагов. В первую очередь необходимо было обеспечить лояльность высшего столичного чиновничества, которое находилось при дворе. Как сообщает Михаил Пселл, Михаил IV Пафлагон, придя к власти «...не ввел никаких новшеств, не упразднил старого закона и не ввел нового, противоречащего ему, и никого не сменил в высшем совете, как любят это делать при вступлении на трон другие цари. Получив власть, он не обманул надежд ни одного из тех, с кем был близок или кому обещал милости до воцарения; впрочем, сразу высших должностей им не дал, но обучил сначала на более скромных и низких, а потом уже возвел на те, что повыше» [3]. Это же подтверждает и Иоанн Скилица, отмечая, что «все остальные охотно приняли это [смерть Романа Аргира и воцарение Михаила IV Пафлагонца] и приветствовали нового императора со словами благодарности» [4]. Таким образом для подавляющего большинства гражданской знати ничего не менялось. Ее представители остались на своих местах и получили традиционные пожалования по вступлении нового императора на престол, а во главе гражданского управления империей, так же, как и при Романи III Аргире (1028 – 1034 гг.), остался Иоанн Орфанатроф.

Однако несмотря на это, часть столичного чиновничества оказалась недовольна приходом к власти Пафлагонцев и попыталась этому воспротивиться. Оппозиционно настроенные синклитики сгруппировались вокруг императрицы Зои. Вновь обратимся к Михаилу Пселлу: «Те, кто занимал придворные должности (в большинстве — ее отцовские слуги, а также люди, близкие к ее мужу и связанные с этой семьей еще при его отце), удерживали ее [императрицу Зою] от поспешных решений в столь важных вещах, советовали, как можно лучше поразмыслить, обдумать свое положение и возвести на царский престол самого достойного из всех, готового служить ей не как супруге, а как госпоже» [3]. Не совсем ясно о каком «самом достойном из всех» представители элиты идет речь, но под ним явно подразумевался не Михаил Пафлагон. Так или иначе, но Иоанну Орфанатрофу удалось переиграть своих противников. Уже на утро после смерти Романа III Аргира (1028 – 1034 гг.) члены синклита в индивидуальном порядке присягнули новому императору на верность. Сама же императрица после

присяги Михаилу IV, оказалась под домашним арестом во дворце: «Он [Иоанн Орфанатроф] изгнал евнухов императрицы из дворца и выпроводил самых верных ее слуг, назначив женщин, которые были преданы ему, быть ее надзирателями и опекунами. Не было ничего, чтобы она могла сделать, большого или маленького, без его разрешения» [4].

С формально-юридической точки зрения императрица Зоя осталась правительницей империей, но на деле власть была сосредоточена в руках Иоанна Орфанатрофа и Михаила IV Пафлагона. Таким образом устранив угрозу со стороны столичного гражданского чиновничества и заполучив верховную власть в свои руки, Пафлагонцы должны были решить вопрос с оппозицией в лице провинциальной аристократии. Выразителем взглядов провинциальной аристократии на воцарение новой династии стал патриций Константин Далассин, открыто высказывавший свои взгляды на произошедшие в империи изменения. Для того, чтобы нейтрализовать нелояльного патриция, Пафлагонцы вызвали его в Константинополь, предварительно дав клятву о том, что Далассину не будет причинено никакого вреда. Тотчас по прибытии в Константинополь, патриций был арестован и сослан на остров Платея. Сразу же после ареста под опалу попали и его малоазийские сторонники, самым видным из которых был Константин Дука. Имущество Константина Далассина и его сторонников было конфисковано и передано в руки Пафлагонцев [4].

Нейтрализовав на начальном этапе правления угрозу со стороны как столичной знати, так и со стороны провинциальной аристократии Малой Азии, Пафлагонцы должны были перейти к упрочению своего положения и разработке механизмов удержания и передачи власти. В основу системы управления Пафлагонцами была положена опора на разветвленные родственные и профессиональные связи [4, 14]. Пафлагонцы, фактически узурпировавшие власть в стране, не могли полагаться на лояльность приведенных к покорности представителей византийской элиты, а потому такая опора стала для них единственным выходом. Начиная с 1034 года – момента воцарения Михаила IV Пафлагона – для родственников нового императора и паракимомена Иоанна Орфанатрофа открываются широкие возможности для занятия должностей в государственном управлении [14]. Так Иоанн Орфанатроф сосредоточил в своих руках верховное гражданское и военное управление, в то время как его многочисленные родственники и сторонники стали занимать другие ключевые должности [Приложение 1]: брат Иоанна и Михаила IV Никита стал дукой Антиохии [4], а после его смерти должность занял другой их брат – Константин [5]. В то время как оставшийся брат по имени Георгий занял должность протовестиария [5], которая позволяла ему не только заведовать имперскими финансами, но и давала возможность присутствовать в военных походах и командовать армией [16]. Кроме того, сын сестры Иоанна Орфанатрофа и Михаила IV Марии по имени Михаил был возведен в ранг цезаря [3, 4], что делало его наследником престола в случае смерти императора.

Кроме сфер гражданского и военного управления, Пафлагонцы пытались поставить под собственный контроль и церковь, возводя своих сторонников на ключевые епископские кафедры и всячески возвышая их. Так Иоанн Скилица приводит следующий факт: «Поскольку архиепископ Болгарии Иоанн скончался, то император назначил другого. Им стал Пафлагонец по происхождению, который ранее отличился на службе в Великой Церкви, прослужив там много лет хартофилаксом» [4]. Кроме того, Иоанн Орфанатроф, заручившись поддержкой митрополитов Димитрия Кизикского и Анатония

Никомедийского, а также ряда других епископов, предпринял попытку занять патриарший престол, сместив оттуда патриарха нелояльного патриарха Алексея Студита. Однако эта попытка потерпела поражение, и патриарх сохранил свой престол.

По мнению Г.Г. Литаврина «Проникновение в среду столичной чиновной знати по-прежнему представлялось в этот период пределом жизненного успеха для выходцев из любого другого социального слоя» [\[1\]](#). Пафлагонцы, заняв ключевые должности в гражданском управлении, таким образом, получили и доступ к государственной казне, став богатейшими людьми империи [\[4, 5\]](#), что вызывало большое недовольство как у простого народа, так и у представителей элиты. Однако само по себе это богатство не имело смысла по той причине, что в Византийской империи власть обеспечивала богатство, а не наоборот [\[15\]](#), и потеря власти автоматически означала и потерю богатства. В связи с этим перед Пафлагонцами стояла задача не столько по разгрому оппозиционно настроенных элит, сколько задача по интеграции в ее состав. Косвенно эту мысль подтверждает и тот факт, что в годы правления Михаила IV Пафлагона (1034 – 1041 гг.) недовольных ссылали, лишали имущества и должностей, в редком случае бросали в тюрьмы, но не казнили [\[3, 4\]](#).

Однако ни столичное чиновничество, ни военная аристократия не стремились создавать прочных связей с Пафлагонцами – за 1034 – 1041 гг. представителям династии так и не удалось породниться ни с одной знатной семьей в империи. Представители Пафлагонского дома, даже захватив власть, так и остались частью торгово-ремесленных кругов. В них же они черпали поддержку. Так сестра братьев-Пафлагонцев по имени Мария была выдана замуж за Стефана Калафата, который занимался подготовкой и спуском на воду кораблей. Несмотря на незнатное происхождение, Калафат имел влияние и богатство, которое, в дальнейшем использовалось во внутренней политике Пафлагонской династии.

Немаловажным, но неочевидным фактором стабильности Пафлагонской династии следует считать тот факт, что с физиологической точки зрения, время, отведенное Пафлагонской династии, было ограничено одним поколением, что, безусловно, должны были понимать представители византийской элиты. Так из пяти братьев-Пафлагонцев трое были евнухами [Приложение 1], а молодой Михаил IV Пафлагон был тяжело болен [\[3, 4\]](#). Кроме того, важно учитывать и тот факт, что императрица Зоя к моменту воцарения Михаила IV уже вышла из детородного возраста. Исходя из этого, византийскими элитами власть Пафлагонской династии должна была рассматриваться как ситуативная и временная, а потом и любые активные контакты с этой властью были не нужны. Смерть же императрицы Зои, Иоанна Орфанатрофа или императора привела бы к концу правления династии, так как со смертью любого из них, вся система бы рухнула.

Однако несмотря на это, Пафлагонцы планировали в случае смерти Михаила передать власть его племяннику – Михаилу Калафату, который с этой целью был возведен в ранг цезаря [\[3, 4\]](#), а потому было необходимо укреплять власть не только над в целом покорным столичным чиновничеством, но и над провинциальной аристократией, составлявшей костяк армии. В годы правления императора Михаила IV Византийская империя после относительного затишья при императорах Константине VII (1025 – 1028 гг.) и Романе III Аргире (1028 – 1034 гг.) вновь перешла к активной внешней политике сразу на нескольких направлениях. Так в 1038 году была организована крупномасштабная экспедиция на Сицилию, в ходе которой большая часть острова была отвоевана у арабов византийскими войсками. В тоже самое время византийские войска

действовали на Балканском полуострове, подавив восстание болгар, а также в Закавказье и на Ближнем востоке, где не только обеспечивали безопасность границ, но и завоевывали новые территории [\[3, 4, 5\]](#).

Активная внешняя политика Пафлагонской династии решала ряд внутривластных проблем. Во-первых, успешные завоевания обеспечивали поступление в казну империи новых доходов, которые распределялись между императором, представителем гражданской знати и военной аристократией. Таким образом успехи во внешней политике служили стабилизирующим фактором для внутренних дел империи и снижались вероятность возникновения восстания или заговора против действующей власти. С другой стороны, трудности военных кампаний, наоборот, могли привести к недовольству в среде военной аристократии и армии, что могло усугубить положение правящего императора и привести к вооруженному восстанию и его свержению. Применительно к Пафлагонской династии ситуация усугублялась еще и тем, что среди ее представителей не было военачальников – Пафлагонцы были выходцами из торгово-ремесленных кругов и строили карьеру на гражданской службе в Константинополе.

Исходя из этого, каждая военная кампания для Пафлагонцев содержала значительную угрозу мятежа, что было необходимо учитывать при ее планировании. Для того, чтобы не допустить подобной опасности, Пафлагонцы стремились контролировать каждый шаг стратега, командующего армией, что порой негативно сказывалось на успешности кампании. Для примера обратимся к «Истории» Иоанна Скилицы. Так автор, описывая византийскую кампанию на Сицилии в 1038 – 1040 гг., сообщает о конфликте, который возник между стратегом Георгием Маниаком и представителем Пафлагонского клана Стефаном Калафатом, который стоял во главе морских сил на Сицилии и находился в подчинении Маниака. Из-за невнимательности Калафата на Сицилию к арабам попало подкрепление из Африки, что вызвало гнев Маниака. Спор разрешился быстро: «Когда Стефан [Калафат] пришел к нему [Георгию Маниаку], он набросился на него с чрезмерной бранью и, подняв кнут, несколько раз ударил его по голове. Он назвал его лентяем и трусом, предавшим интересы императора. Стефан отнесся не легкомысленно к тому, что его втапывали в грязь и оскорбляли; без промедления он отправил письмо Орфанатрофу, в котором сообщал ему, что Маниак затевает восстание против императора. Маниак был немедленно под арестом доставлен в столицу и заключен в тюрьму вместе с патрицием Василием Феодороканом. Все командование было передано Стефану, к которому был послан некий евнух, препозит Василий Педидат. Вскоре эти двое испортили всю ситуацию и потеряли Сицилию из-за собственной жадности, трусости и беспечности» [\[4\]](#). В итоге к концу правления Михаила IV Пафлагона (1034 – 1041 гг.) вся Сицилия кроме Сиракуз была потеряна, а все завоевания византийской армии во главе с Маниаком были сведены на нет.

Аналогичные ситуации были не редкостью для Пафлагонцев. Страх усиления военной аристократии и открытых военных мятежей заставлял их принимать такие решения, которые укрепляли их собственную власть, а не безопасность империи. Так в начале правления Михаила IV Пафлагона Иоанн Орфанатроф назначил дукой Антиохии одного из своих братьев по имени Никита. По сообщению Аталиата по вступлению в город Никита устроил в Антиохии массовые казни и аресты: «Как только он завладел городом и стал управлять его делами, он почти не обращал внимания на своих клятвы [которые дал ранее, обещая никого не казнить и не подвергать опале]. Он казнил сотню человек, обезглавив их или посадив на кол; он арестовал одиннадцать видных и чрезвычайно богатых людей знатного происхождения и отправил их в цепях в Византий. Он писал в письме своему брату Иоанну [Офанатрофу]...что этот город был благосклонен к

[Константину] Далассену»^[14]. Константин Далассин, бывший до прихода к власти Пафлагонцев дукой Антиохии продолжал пользоваться большой популярностью в городе и имел в нем множество сторонников.^[12] Таким образом, отправив сначала брата Иоанна Никиту в Антиохию, а после его смерти другого брата по имени Константин, Пафлагонцы стремились обеспечить прямой контроль за потенциально опасным регионом и минимизировать риски восстания в пользу Константина Далассина там. Это было тем более важно, что Антиохия являлась крупнейшим и богатейшим византийским городом на востоке, который к тому же находился под постоянной военной угрозой со стороны арабов.

На примере сицилийской кампании и деятельности Пафлагонцев в приграничной Антиохии можно сделать вывод о том, что они в первую очередь стремились к недопущению потенциально опасного положения на границах империи, где было сосредоточено большое количество войск и вероятность восстания была весьма высока. Главным инструментом для недопущения этой цели были назначения родственников и близких и максимально лояльных к Пафлагонцам людей на ответственные должности. Иногда эта ставка оказывалась весьма оправдана. Так в случае Антиохии, назначение родственников на должность дуки города стабилизировало обстановку в восточной части империи и позволило избежать мятежей. Так несколько попыток организации военных мятежей в Малой Азии были вовремя раскрыты, а виновные понесли наказания^[4]. На этих примерах видно, что механизмы управления, созданные Пафлагонцами оказались эффективными с точки зрения удержания власти.

Однако, как нам представляется, во многом номинального контроля за армией со стороны Пафлагонцев было недостаточно. К тому же постоянные аресты и конфискации имущества вкупе с насильственным пострижением в монахи и лишением зрения в тех, кто подозревался в лояльности конкурентам Пафлагонцев в борьбе за власть вместе с провалом кампании на Сицилии вряд ли способствовали росту авторитета представителей этой династии внутри империи. Ответом на эти опасения со стороны Иоанна Орфанатрофа и Михаила IV стал рост количества наемников на императорской службе в 1034 – 1042 гг. За восемь лет правления Пафлагонцев наемники в империи стали играть значительную роль по обеспечению внутренней стабильности в империи. Наиболее профессиональным и многочисленным объединением наемников начиная со времени правления императора Василия II была Варяжская гвардия. Как при императоре Василии II, так и при Пафлагонцах представители Варяжской гвардии в первую очередь занимались вопросами безопасности императора и составляли часть его личной гвардии – этерии. Гвардейцы занимались охраной императорского дворца и императора во время его походов. Другая часть наемников принимала участие в военных кампаниях, оказывая содействие войскам.

В годы правления Михаила IV (1034 – 1041 гг.) Варяжская гвардия была значительно пополнена выходцами с севера – варягами и русами. Так об этом сообщает ряд скандинавских источников, таких как сборники саг «Гнилая кожа»^[9] и «Красивая кожа»^[10], а также сага о Харальде Суровом, входящая в сборник саг «Круг земной»^[11] Снорри Стурлуссона. В «Гнилой коже» сообщается следующее: «Здесь говорится, что он [будущий норвежский конунг Харальд Суровый] привел военные корабли с большим количеством людей к королю Миклгарда, который звался Микаэлем Каталактом»^[9]. По прибытии Харальда в Константинополь, он встречает множество варангов т.е. наемников-скандинавов, которые к тому моменту уже служили в Варяжской гвардии, и пополняет их ряды^[10]. Значимость прибытия Харальда в Константинополь добавляет то,

что он прибыл не в одиночку, а в составе целого отряда, который поступил на императорскую службу. Тоже самое происходит и в период короткого правления второго выходца из Пафлагонской династии – Михаила V Калафата (1041 – 1042 гг.), о чем сообщает Михаил Пселл: «Охрану своей персоны он передал купленным им раньше скифским юношам – все это были евнухи, знавшие, чего ему от них надо, и пригодные к службе, которую он от них требовал; он смело мог положиться на их преданность, особенно после того, как удостоил их высоких титулов. Одни из них его охраняли, другие исполняли иные приказы» [\[3\]](#).

На этих примерах видно, что в вопросах собственной безопасности Пафлагонцы не доверяли византийцам и полагались в первую очередь на наемников, которые служили в Варяжской гвардии. Однако представители Варяжской гвардии занимались не только вопросами охраны императоров, но и участвовали в военных кампаниях византийской армии. Так саги сообщают о том, что Харальд Суровый в составе войска Георгия Маниака участвовал в кампании на Сицилии (1038 – 1040 гг.) и в подавлении восстания Петра Деляна в Болгарии (1040 – 1041 гг.). Причем примечателен тот факт, что саги сообщают о том, что отношения между Харальдом и Георгием Маниаком носили напряженный характер и не раз приводили к противоречиям. Саги объясняют эти противоречия тем, что Харальд был на голову выше и успешнее Георгия Маниака во время войны, однако, принимать это предположение на веру вряд ли возможно. Под командованием Георгия Маниака на Сицилии находилось около тридцати тысяч человек [\[4, 5\]](#), в то время как отряд Харальда едва ли достигал нескольких сотен человек [\[6\]](#). Вероятнее всего, помимо чисто военных задач, Харальд был отправлен на Сицилию для того чтобы лишить возможности Георгия Маниака поднять восстание. Этим можно было бы объяснить тот факт, что Харальд по сообщениям саг отказывался подчиняться Георгию Маниаку [\[9, 10, 11\]](#) и вступал с полководцем в постоянные конфликты при этом избегая участия в сражениях, где командовал стратиг.

На рассмотренных выше примерах можно увидеть, что в годы правления императора Михаила IV (1034 – 1041 гг.) Пафлагонцы проводили многовекторную внутреннюю политику, которая была направлена на укрепление собственной власти и нейтрализацию оппозиции как из числа столичного чиновничества, так и из числа провинциальной аристократии. Для укрепления власти Пафлагонцами использовались различные инструменты: военные, экономические, политические. Некоторые из них можно считать вполне успешными. Так в 1034 году Иоанну Орфанатрофу удалось избежать угрозы восстания со стороны Константина Далассина, подвергнув его и его сторонников опале и лишив их имущества. В тоже время, отказавшись от массовых казней, Пафлагонцы должны были привлечь на свою сторону часть византийской элиты. Поместив под домашний арест императрицу Зою и отстранив от власти ее сторонников, Пафлагонцы сосредоточили в своих руках гражданское управление, в то время как военное командование частично осталось вне сферы их контроля.

Невозможность полного контроля за армией привела к ряду неоднозначных решений Пафлагонцев. В первую очередь армию наполнили наемниками – русами и скандинавами, которые вступали в Варяжскую гвардию. Этот шаг не только и не столько укрепил армию, сколько обеспечивал Пафлагонцам внутреннюю безопасность и сводил риски заговоров и мятежей к минимуму. Это было необходимо в силу того, что Пафлагонцы, не имея ни военного опыта, ни военных талантов, вынуждены были выдвигать на главные позиции в армии выходцев из малоазийской аристократии, главным из которых в период правления Михаила IV (1034 – 1041 гг.) стал полководец Георгий Маниак. Опасаясь мятежа талантливой и влиятельной полководца,

Пафлагонцы, на наш взгляд, приставили к нему отряд Харальда Сурового и других варангов, которые на прямую не подчинялись стратигу-автократору во время проведения кампании на Сицилии. Учитывая, что Маниак безраздельно командовал всеми силами на Сицилии, предположение о том, что отряды варангов не столько воевали с арабами, сколько стремились не допустить мятежа Маниака выглядит убедительным. Другой мерой контроля армии стало назначение на ключевые должности в армии близких к Пафлагонцам людей. Наиболее яркий пример – назначение Стефана Калафата, не имевшего ни опыта военного командования, ни опыта управления флотом, командующим византийским флотом на Сицилии. Подобная политика, нацеленная в первую очередь на сохранения контроля над армией и недопущения мятежей, не могла быть успешной, о чем свидетельствует провал византийской экспедиции на Сицилии.

С другой стороны, не все внутривластные мероприятия Пафлагонцев оказались успешными – оппозиция династии сохранялась на протяжении всего правления Михаила IV (1034 – 1041 гг.). Так вопреки желанию Иоанна Орфанатрофа, ему так и не удалось лишить престола оппозиционно настроенного патриарха Алексея Студита. Сама же попытка отстранения высшего церковного иерарха от власти неизбежно должна была осложнить отношения династии и церкви. Кроме того, Пафлагонцам так и не удалось установить прочные связи внутри элиты. Представители столичного чиновничества и провинциальной знати по всей видимости заняли отстраненно-выжидательную позицию, надеясь на случай, который позволит отстранить Пафлагонцев от власти. Это объяснялось, как происхождением Пафлагонцев, так обстоятельствами их прихода к власти, а также проводимой ими внутренней политикой.

Подводя итог, нужно отметить, что несмотря на попытки Пафлагонцев прочно укорениться в среде Византийской элиты и возглавить ее, все их успехи были лишь ситуативными и обеспечивались за счет, с одной стороны, личного контроля над важнейшими сферами управлений, с другой, за счет контроля за императрицей Зоей, чей ореол придавал Пафлагонцам легитимности. Однако такое положение было лишь временным и поддерживалось лишь до тех пор, пока власть сохранялась в руках Михаила IV и Иоанна Орфанатрофа. Смерть или отставка одного из них неизбежно должна была привести к падению Пафлагонской династии.

Приложение 1. Родственники Иоанна Орфанатрофа на высших гражданских и военных должностях империи в 1034 – 1041 гг. [\[3, 4, 5\]](#)

Представители Пафлагонской династии в 1034 – 1042 гг., упоминаемые в византийских источниках XI – XII вв.

Библиография

1. Литаврин Г.Г. Восстание в Константинополе в апреле 1042 года // Византийский временник, 1973. Т. 33, С. 33-46.
2. Мохов А. С. Военная политика императоров-Пафлагонцев (1034–1042) // Античная древность и средние века. – Екатеринбург: [б. и.], 2005. Вып. 36: материалы XII Международных научных Сюзюмовских чтений (Севастополь, 6-10 сентября 2004 г.). С. 145-170.
3. Пселл Михаил. Хронография, перевод, статья и примечания Я.Н. Любарского. Алетея, 2003, 395 с.
4. Skylitzes John. A synopsis of Byzantine history. Translated by J. Wortley. 2010, Cambridge University Press, 430 p.
5. Attaleiates Michael. The History. Translated by Anthony Kaldellis and Dimitris Krallis, Harvard University Press, 2012, 636 p.
6. Кекавмен. Советы и рассказы византийского полководца XI века. Перевод, комментарии и вступительное слово Г.Г. Литаврина. Москва, Наука, 1972, 749 с.
7. Диакон Лев. История. М., Наука, 1988.
8. Le livre des cérémonies / Constantin VII Porphyrogénète. Texte établi et trad. par Albert Vogt. – Paris: Les Belles Lettres. 1935.
9. Morkinskinna: The Earliest Icelandic Chronicle of the Norwegian Kings (1030–1157) / Transl. by Th.M. Andersson, K.E. Gade. Ithaca, N.Y.: Cornell University press, 2012. 576 p.
10. Fagrskinna: A Catalogue of the Kings of Norway / Transl. by A. Finlay. Leiden; Boston: Brill, 2004. 334 p.
11. Снорри Стурлусон. Круг земной / Пер. А.Я. Гуревича, Ю.К. Кузьменко, И.М. Стеблин-Каменского, О.А. Смирницкой. М.: Наука, 1980. 541 с.
12. Розен В.Р. Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского. СПб., 1883.
13. Pagdalino P. Paphlagonians in Byzantine high society, Byzantine Asia minor (sixth - twelfth centuries). Athens, 1998. P. 141.
14. Мохов А. С. Командный состав византийской армии в XI в.: правление Романа III Аргира (1028-1034) / А.С. Мохов // Античная древность и средние века. – Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 2000. Вып. 31. С. 173-197.
15. Каждан А.П. Социальный состав господствующего класса Византии в XI – XII вв. М., Наука. 1974. С. 14.
16. The Oxford Dictionary of Byzantium. Oxford University Press, New York and Oxford, 1991. P. 428.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв

На статью «Внутренняя политика Михаила IV Пафлагона (1034 – 1041 гг.) в контексте внутривизантийской борьбы в Византии»

Предмет исследования статьи является внутренняя политика византийского императора Михаила IV Пафлагона в 1034-1041 годы в контексте внутривизантийской борьбы в Византии.

Методология исследования базируется на принципах научности, объективности и историзма. Автор отмечает, что в работе подготовлена на основе «сравнительного анализа скандинавских и византийских источников» и это «позволило сделать наиболее полные выводы о роли Варяжской гвардии во внутривосточной борьбе в Византии в 1034 – 1042 гг.».

Актуальность исследования. Как отмечается в статье «вопросы, связанные с политическим развитием государств, а также их внутренняя эволюция и трансформация в различные кризисные периоды истории» занимают важное место в исторической науке. Следует отметить, что в эпоху перемен и в период кризисов «не только обостряются противоречия между различными политическими силами, претендующими на власть, но и проявляются «различные политические, социальные, религиозные и иные особенности того или иного государства», что показывает история многих государств и это можно наблюдать и в настоящее время. В этой связи, отмечается в статье «в рамках данной темы» значительный интерес «представляет изучение истории Византийской империи», которая просуществовала около тысячи лет и пережила значительное количество «внутривосточных смут, которые, с одной стороны, приводили к ослаблению государства, а с другой – приводили к изменению системы управления, ее адаптации к новым непростым реалиям, что и позволило империи просуществовать столь долгий срок». Актуальность темы не вызывает сомнения и представляется тема будет актуальной пока существует государство. В рецензируемой статье дан анализ истории Византии в XI в, периода одной из наиболее тяжелых смут в истории страны, связанного «с упадком и пресечением могущественной Македонской династии». В период угасания этой династии «внутри империи разгорелась внутривосточная борьба» между двумя группами: первую составляли столичные гражданские чиновники, а вторую земельные аристократы.

Научная новизна работы заключается «в комплексном анализе византийских и скандинавских источников о деятельности Варяжской гвардии в 1034 -1042 гг.». Новизна также заключается в том, что «Варяжская гвардия рассматривается как инструмента удержания власти Пафлагонской династией».

Стиль статьи академический, вместе с тем есть элементы описательности, что делает статью легкой для чтения и восприятия прочитанного. Структура работы нацелена на достижение цели статьи и ее задач. Статья не разделена на разделы, но в ней четко обозначены актуальность, цель и задачи статьи, предмет и объект исследования, источники работы. Содержание статьи логично выстроено и изложена последовательно. Статья содержит интересные детали и факты, касающиеся причин угасания Македонской династии и прихода к власти Михаила IV и его деятельность на посту императора и дан анализ его внешней и внутренней политики. Отмечается, что «активная внешняя политика решала ряд внутривосточных проблем», в их числе поступления в казну и «успехи во внешней политике служили стабилизирующим фактором для внутренних дел империи и снижались вероятность возникновения восстания или заговора против действующей власти». В статье показаны попытки новой династии Пафлагонцев укорениться в среде Византийской элиты и возглавить ее и отмечается, что их успехи «были лишь ситуативными и обеспечивались за счет, с одной стороны, личного контроля над важнейшими сферами управлений, с другой, за счет контроля за императрицей Зоей, чей ореол придавал Пафлагонцам легитимности», но для сохранения власти этого было недостаточно и такое «положение было лишь временным и поддерживалось лишь до тех пор, пока власть сохранялась в руках Михаила IV и Иоанна Орфанатрофа. Смерть или отставка одного из них неизбежно должна была привести к падению Пафлагонской династии», что и произошло в дальнейшем.

Библиография работы состоит из 16 источников, которые дают возможность раскрыть

тему исследования. Библиография оформлена грамотно, соответственно требованиям. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации и проведенного анализа по теме исследования. Библиография также есть апелляция к оппонентам и библиография может дать ищущему ответы на интересующие вопросы. Статья интересная и подготовлена на актуальную тему. Без сомнения, она представляет интерес не только для специалистов, но и широкой читательской аудитории (студентов, магистрантов, аспирантов) и др. категорий читателей.